

А.В. Лаврухин*

**УЧЕНИЕ БРЕНТАНО ОБ «ИНТЕНЦИОНАЛЬНОМ
ВНУТРЕННЕМ СУЩЕСТВОВАНИИ» ОБЪЕКТА
И ЕГО КРИТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ
У К.ТВАРДОВСКОГО И Э.ГУССЕРЛЯ**

Брентановская идея интенционального внутреннего существования объекта инициировала дискуссию, которая в XX столетии стала актуальна сразу для двух философских направлений: феноменологии и аналитической философии. Автор ставит перед собой задачу - разъяснить некоторые наиболее существенные расхождения в критическом переосмыслении этой идеи двумя знаменитыми учениками Ф. Brentano: К. Твардовским и Э. Гуссерлем.

1.Интенциональная содержимость (“существование”) предмета в акте и проблема корреляции между предметом и методом в дескриптивной психологии Ф. Brentano

В первом томе своего программного труда “Психология с эмпирической точки зрения”, разворачивая дескрипцию идеи интенциональности, Brentano формулирует положение об *имманентном, внутреннем существовании (intentionale Inexistenz) предмета*. Эта дефиниция может быть рассмотрена в качестве способа отграничения “позитивной” концепции дескриптивной психологии от естествознания (соответственно, психических от физических феноменов) [1, 124]. Обращаясь к этому – предметному – аспекту определения, мы тем самым тематизируем специфику новой предметной сферы – интенциональных объектов и, соответственно, психических феноменов, а также акцентируем внимание на весьма важном тезисе, имеющем, на наш взгляд, существенные последствия для успеха брентановского проекта психологии в целом. По Brentano, отграничивать, соответственно, выявлять дисциплинарную специфику психологии необходимо по предметной сфере, а не по методу. Как замечает Мюнх, для Brentano «существует только один научный метод; естествознание, психология и философия имеют общий метод: *vera philosophiae methodus nulla alia nisi scientiae naturalis est*» [9; 96]. *В этой связи возникает вопрос, который является ключевым для любой интерпретативной стратегии наследия Brentano: насколько успешно может быть про-*

* © Лаврухин А.В., 2005

Лаврухин Андрей Владимирович – Европейский гуманитарный университет, Минск, Республика Беларусь

ведено предпринятое Brentano фундаментальное дисциплинарное разграничение исключительно по предмету, но не по методу? Фактически от того, как он будет решен, зависят исход и итоги сравнительного анализа дескриптивной психологии Brentano, Brentанистов и феноменологии Гуссерля в целом. Рассмотрим мотивацию и основания для его постановки более детально.

Вводя определение «intentionale In-exsistenz» в смысле «содержимости» предмета в акте, Brentano обращает внимание на специфику его существования: определение “быть в акте предметно (объективно)” неверно было бы понимать так, будто бы речь здесь идет об объективном существовании (существовании вещей, внеположном сознанию мира). Напротив, по замыслу Brentano, *интенциональное внутреннее существование* предмета должно коренным образом отличаться от *объективного существования* вещей или объектов, понятого в естественнонаучном смысле [1, 127]. Если обратить внимание на этот – предметный – аспект отграничения от естествознания, суть которого, прежде всего, заключается в переосмыслении понятия объективного существования в естественнонаучном смысле, и сопоставить его с прежде установленной дефиницией идеи интенциональности как *направленности на что-либо*, когда под этим *что-либо* могла подразумеваться и внеположная, трансцендентная сознанию вещь, то мы вынуждены будем признать некоторое противоречие в описании. Поскольку два типа описания – это не отдельно исполненные дефиниции, а два аспекта одной и той же дескрипции, то, как справедливо замечает В.И. Молчанов, имеет место «столкновение двух различных и даже противоположных способов описания в одном и том же контексте» [см. 8, 52]. Правда, нам видится, что двусмысленность эта вызвана не столько «взаимоисключающими способами описания», сколько неопределенностью в различии и взаимной корреляции ряда понятий, существенных для прояснения специфики этой «содержимости» (прежде всего, речь здесь идет о понятиях «содержание», «объект» и «вещь») и, соответственно, статуса имманентного (=интенционального) объекта. В свою очередь, эта неопределенность – не исключительно языковая (терминологическая проблема), но следствие методологической двусмысленности, которая, на наш взгляд, как раз и стала подлинной причиной столь противоречивых «способов описания».

Так, с одной стороны, Brentano неоднократно подчеркивает специфику тезиса существования в применении к имманентному объекту: если вещь окружающего мира существует всегда, то имманентный объект – лишь тогда, когда имеет место *направленность акта на имманентный ему (т.е. на содержащийся в нем) предмет*, например, в акте представления. Поэтому в качестве имманентно существующей может быть и не-вещь, но, например, плод фантазии. Кентавра в объективно существующем мире нет, но он есть в качестве имманентного предмета представления. Предполагая, что любой предмет первично дан в представлении, Brentano развивает в первом томе *Психологии* т.н. *не-пропозициональную теорию суждения*, в согласии с которой деятельность суждения состоит в ментальном *признании* (Anerkennen), соответственно, *отвержении* (Verwerfen) представленного объекта и *не нуждается* в дополнительном существующем во внешнем мире вещном корреляте. В этом смысле можно сказать, что необходимым условием *не-пропозициональной теории суждений* является своего рода нейтрализация тезиса о существовании: при анализе психических феноменов сознания можно отвлечься от объективного существования вещей окружающего мира и работать с предметами или «содержимостями» актов в модусе их «*интенционального существования*».

Однако, с другой стороны, пытаясь более строго зафиксировать специфику понятия «содержимости предмета в акте», Brentano вводит определение, согласно которо-

му «содержимое» (в смысле интенциональный предмет или объект) стоит считать фикцией, если у него нет коррелята – существующих во внешнем мире вещей, фиксируемых в опыте, т.е. в опыте чувственного созерцания. В этом отношении показательное учение позднего Brentano, представленное в приложении ко второму изданию *Психологии* в 1911 году. Вводимый им здесь термин *Relativliches* должен прояснить кардинальное отличие между *отношением* (Relation) в собственном (каузальном) смысле и *чем-то отношению подобным* (Relativliches) в сфере психических феноменов [2, 134]. Смысл термина *Relativliches* Brentano также поясняет, обращаясь к аналогии с отношением сравнения. Тот, кто представляет что-то одно большим, чем другое, вынужден признать, что в подлинном смысле существуют два предмета, а существование отношения – понятие *синсемантическое*, т.е. *несобственное*. Правда, термин, маркирующий специфические «имманентные актам» «отношения», чаще всего интерпретируют в том смысле, что наличие объекта в сознании не означает, что осознающий и сам объект сознания должны существовать в равной степени и в одинаковом смысле. Имманентный акту объект существует лишь в том смысле и до тех пор, пока имеется некий психический акт, исполненный вполне определенным, объективно существующим индивидом. Однако Brentano, поясняя специфику интенционального существования, определяет выражение «существование предмета» (или «существование содержания») как *синсемантическое выражение*, т.е. «психическое» (=интенциональное отношение) в данном случае может быть рассмотрено и как модификация фундаментального его каузального отношения. Для пояснения здесь можно привести пример все с тем же представлением кентавра: если я представляю кентавра, то кентавр есть имманентный объект и одновременно содержимое представления. Но кентавр не существует, то есть он не может быть объектом представления в подлинном смысле. Именно поэтому он не может также стать и предметом очевидного утвердительного суждения. Если же представить дерево, то дерево будет предметом представления, т.е. у этого «содержимого» есть аналог в опыте чувственного восприятия. Дерево, взятое в качестве «содержимого» представления по значению одинаково с имманентным объектом и объективно существующей вещью, а потому суждение о нем не может быть ложным. «Я представляю дерево» равно по значению выражению «я имею дерево объектом представления» и одновременно выражению «я имею дерево в качестве предмета или содержимого моего представления». Отсюда попытки Brentano развести понятия «содержимого» в представлении (или содержания представления) и интенционального объекта не только вполне резонны, но и необходимы: объект представления, в отличие от содержимого в акте, должен иметь вещный коррелят в существующем мире. Однако проблема заключается в том, что Brentano явно не идет по пути строгого и последовательного разграничения понятий «содержимого» или «содержания акта» и интенционального объекта (объекта представления). Очевидно, сам факт признания феномена «содержания» вызывал у Brentano опасения, что тем самым будет дан неправомерный повод понимать существование фантастических смыслов или содержаний как некое особое существование, автономное от существования индивидуальной вещи.

Видимо, этой же цели служит заданное Brentano *качественное измерение* понятия «содержание»: при определении трех классов психических актов Brentano отмечает, что каждый класс имеет свое особое *содержание*. В согласии с этим проводится различие между презентующим содержанием (включая сюда перцептивное содержание), содержанием суждения (Urteilsinhalt) и содержанием эмоций (Gemütsinhalt). Здесь Brentano недвусмысленно указывает на то, что кажущееся признание специфичности «существования» представленного предмета нисколько не отменяет главного тезиса –

в подлинном смысле существует лишь объективно данная вещь. Таким образом, *непропозициональная теория суждений Brentano, с одной стороны, способствовала прояснению специфического существования интенционального предмета, а с другой – «выводила из игры» понятие содержания и вопрос о специфике его связи с имманентным объектом и вещью каузального мира.* Такая элиминация «содержания» привела к тому, что стало уже невозможно провести четкую границу между понятиями «содержание» акта и «имманентный объект» акта. В дальнейшем эта понятийная неразбериха только усиливается. Понятия «объект», «предмет», «содержание» фактически употребляются в синонимичном смысле и имеют значение «того, что имманентно акту». В свою очередь, при употреблении слова «вещь» доминирующим и необходимым становится указание на внешнеположную сознанию каузальную реальность. В такой ситуации, разумеется, встает вопрос о том, какова природа (или механизм) соответствия «того, что имманентно акту», и вещи каузального мира.

В докладе *Über den Begriff der Wahrheit* (1889) Brentano предлагает некую вариацию теории корреспондентной истины. Она вполне может быть согласована с идеей *adaequatio*: каждому суждению должна соответствовать вещь объективно существующего каузального мира. Соответственно для того, чтобы решить проблему с негативными суждениями, в отношении которых нельзя найти никакой коррелятивной вещи в объективно существующем каузальном мире, Brentano расширяет диапазон своей теории и предлагает следующую дефиницию истины:

«Суждение будет истинно, если о том, что есть, оно утверждает, что это есть; а о том, чего нет, оно отрицает, что оно есть (ложно же тогда, когда это вступает в противоречие с тем, что есть и чего нет)» [3, 24].

Здесь Brentano все время пытается, там, где это только возможно, найти для суждения соответствующий ему в каузальном мире объект или вещь. И даже если принять во внимание его переосмысление идеи *adaequatio* и довольно ширококомасштабную критику классической теории *adaequatio* в последующем, означенная ориентация на поиск коррелятивной вещи в объективно существующем каузальном мире не исчезает, поскольку, как пишет Мюнх, «нет оснований предполагать, что Brentano когда-либо отказывался от этого взгляда, согласно которому имеется только одно собственное значение “сущего” или “существования”» [9, 125]. Правда, *собственное существование* вещи Brentano можно понять не только в онтологическом (как это делает Мюнх), но и в *позитивистском, эмпирическом* ключе. В этой связи не менее убедительна аргументация А. Хруджимски, согласно которому поиски «одного собственного значения сущего» или «существования в собственном смысле» мотивированы разработкой теории эмпирического образования понятий [7, 456]. Так, Brentano пишет в работе *Philosophische Untersuchungen zu Raum, Zeit und Continuum* (1976):

«Все наши понятия либо заимствуются прямо из созерцания, либо комбинируются на основе признаков, которые взяты из него (т.е. созерцания. – А.Л.)» [4, 3].

Примечательно, что истоком критического переосмысления теории *adaequatio* является предпосылка, в согласии с которой *правильный путь дефиниции истины должен отображать путь опыта, причем понятого в эмпирическом смысле.* Еще в первом томе *Психологии* Brentano проводит различие на *наглядно* и *атрибутивно единые* представления. Здесь Brentano замечает, что *созерцание* (*Anschauung*) дает не индивидуальное представление, но всегда всеобщее, несмотря на то, что сама эта всеобщность не одинакова для всех типов представлений.

“Детальное психологическое исследование признает тот факт, что представления не указывают нам на индивидуальные различия.” [2, 205].

Поскольку есть внешнее и внутреннее представление и “внутренние представления восприятия есть исходный пункт нашей жизни представления” [2, 205], абстракции могут быть обозначены в качестве *обобществляющих представлений*. Таким образом, любое представление – результат некоего специфического обобществления или абстрагирования от конкретных, индивидуальных чувственных данных. Не только понятие цвета абстрагируется от различий цветов, но и все цвета характеризуются неким типом единства и потому принадлежат к категории наглядно единых представлений. Это касается и другой группы представлений – *атрибутивно единых*, “которые приведены в единство посредством своеобразного типа связи, взаимодействия, идентификации” [2, 206]. Brentano подчеркивает, что атрибутивное единство или атрибутивная идентификация может быть построена только на основе наглядного единства предметов, вне зависимости от того, даны ли они в *modo recto* или в *modo obliquo*. Раз, по замыслу Brentano, любое понятие получается благодаря определенным операциям абстракции и синтеза, осуществляемым над данными опыта, то вполне логично было бы предположить, что истоком понятия истины должны стать те случаи опыта, в которых нам истина *«презентируется»*, т.е. в которых мы познаем что-либо как истину. Таким образом, условием единства или тождества имманентного объекта, соответственно условием успешного, т.е. истинного, познавательного процесса является то, что имманентному объекту соответствует одна и та же *вещь объективно существующего каузального мира, отдельные факты которого даны в конкретном чувственном восприятии*. Противоречие в понятии имманентного объекта появляется как раз тогда, когда один раз им обозначается вещь, а другой раз не-вещь (Nichtding).

2. Критическое переосмысление идеи «интенционального существования» предмета у К. Твардовского и Э. Гуссерля

Как известно, для учеников и последователей Brentano вопрос различия понятий *содержания* и *объекта* интенционального акта приобрел первостепенную важность. Так, Казимир Твардовский в своей габилитационной работе *Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen: eine psychologische Untersuchung (1894)* предлагает свою версию различения: между имманентным содержанием (ментальным образом) акта и экстраментальным, внеположным акту объектом. Твардовский руководствуется тремя аргументами при введении вышеозначенного различия: 1) содержание и объект не могут быть идентичны, потому что истинные отрицательные суждения, в которых отрицается существование объектов, сами, в свою очередь, основаны на представлениях; отсюда – их содержания существуют, а их объекты не существуют; 2) содержания имеют такие свойства, которых нет у объектов, и наоборот, объекты имеют такие свойства, которых нет у содержаний, например, краснота как свойство объекта не может быть приписана содержанию этого объекта; 3) содержания представлений, которые относятся к одному и тому же объекту, неэквивалентны, например, «город, расположенный на берегу Невы», и «город, построенный Петром I». По Твардовскому, «то, что представляется в представлении, есть его содержание; то, что представляется посредством представления, есть его объект» [5, 16]. Таким образом, для Твардовского содержание – это то, посредством чего осуществляется отнесение к объекту. Твардовский начинает свой анализ с признания тезиса Brentano, согласно которому все психические феномены – это либо представления, либо основываются на представлениях. Более того, все представления представляют *объект*, нет «безобъектных представлений» (objektlose Vorstellungen). Однако Твардовский считает, что брентанов-

кое понятие представления двусмысленно. Для того чтобы внести определенность, Твардовский усиливает терминологическое различие между *атрибутивными* и *модифицирующими* функциями прилагательных. В словосочетании *желтое золото* прилагательное *желтое* употреблено в атрибутивном смысле по отношению к объекту – золото. Но если мы говорим *поддельное золото*, то здесь слово *поддельное* уже имеет модифицирующий смысл, – сам объект трансформируется, он уже не существует на самом деле. Теперь, используя эту терминологическую дистинкцию, можно сделать более отчетливым понятие представления. Под ним может пониматься: 1) сам *акт представления*; 2) то, что *актуально представляется* в акте, или *объект* представления. Твардовский разъясняет свою позицию на примере нарисованного красками ландшафта [5, 16]. Термин «нарисованный красками» здесь может выступить в *атрибутивной* функции, когда имеется в виду, что ландшафт нарисован именно красками, а не углем или карандашом. Термин «нарисованный красками» может выступать в *модифицирующей* функции, если он относится к самому объекту – ландшафту, когда имеется в виду, что это *не реальный* ландшафт, а нарисованный. Наконец, «нарисованный красками» может относиться к некоему X, который нарисовал этот ландшафт – здесь косвенно описывается объект (сам ландшафт), но не в модифицирующем смысле, поскольку предполагается, что реальный ландшафт здесь не смешивается с его «существованием» в нарисованном виде. Таким образом, если модель Brentano можно представить в качестве отношения «психический акт – интенциональное отнесение («направленность на» или «содержимость в») – имманентная объективность (=вещь)», то модель Твардовского представима в качестве отношения «психический акт – *содержание* – объект – (реальная вещь)». Акт отнесен к объекту посредством содержания, которое рассматривается Твардовским в качестве *реальной* составной части акта и потому существует реально. Причем для Твардовского «объект» – это не обязательно существующая во внешнем мире вещь. Он отличает интенциональную «объективность» (*Gegenständlichkeit*) с соответствующим ей интенциональным актом от существования вещи в реальности [5, 35]. Таким образом, для Твардовского «круглый квадрат» может рассматриваться как подлинный объект репрезентации, поскольку он может обладать истинным смыслом (*Sinn*), который дается в представлении, даже несмотря на то, что смысл включает в себя взаимоисключающие признаки. Объект не может иметь взаимоисключающих признаков в том смысле, что он не обладает их существованием, т.е. не может существовать как реальная вещь, и, тем не менее, – это подлинный объект акта представления. Видимо, так Твардовский пытается решить онтологическую проблему, связанную со статусом существования интенциональных объектов.

Обратим внимание на важный для нашего анализа момент: предложенные Твардовским новации сориентированы на уточняющие различения тех понятий, которые имеют отношение к «предметной сфере», но несколько не затрагивают вопроса о методе. Похоже, методологический аспект критического осмысления наследия Brentano вообще не был столь актуален именно потому, что Твардовский разделял Brentановскую методическую установку – единственно возможным является метод естественнонаучных дисциплин. Он также остается верен заданному Brentано направлению – проводить дисциплинарные разграничения и прочие новации исключительно в предметной сфере.

В этом отношении предложенный Гуссерлем интенциональный анализ содержаний переживания заметно выбивается из заданного направления. С одной стороны, интенциональный анализ Гуссерля тоже может быть рассмотрен как реакция на вставшую перед Brentано и его последователями проблему существования интенциональных

предметов и, соответственно, проблему различения понятий *содержания* и *предмета*, имеющих отношение исключительно к «предметной сфере». Не вызывает также сомнений и тот факт, что убеждение Гуссерля в важности проведения различий между понятиями *содержания* и *объекта* окрепло благодаря чтению работы Твардовского *Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen*, которая попала ему в руки в том же 1894 году. Об этом свидетельствует та живость, с которой Гуссерль обратился к этой проблеме как в своей неопубликованной рецензии на книгу Твардовского, датированной 1896 годом, так и в черновиках сразу неопубликованной статьи «Интенциональные предметы» (1894/96). Но, с другой стороны, путь, который был предложен Гуссерлем для решения означенной проблемы, *принципиально* не может быть сведен ни к модели, предложенной самим Brentano, ни к модели Твардовского. Так, Гуссерль, подобно Твардовскому, начинает интенциональный анализ сознания с критического переосмысления термина «психический феномен» [6, 342]: вместо Brentano-ского термина «психический феномен» им вводится новый термин «переживание» или, точнее, «поток переживаний» с той же целью — освободиться от всяческого рода двусмысленностей или «эквивокаций». Как и у Твардовского, критика Гуссерля нацелена на прояснение специфики интенционального отнесения, статуса «интенционального предмета» в его отличии от «интенционального содержания». Однако обратим внимание на то, что именно оказывается в центре внимания Гуссерля:

«Во всяком случае, весьма сомнительно (что зачастую сбивает с толку) говорить о том, что воспринятые, воображаемые, обсуждаемые, желаемые предметы и т.д. (соответственно, в воспринимающем, представляющем модусе и т.д.) “в х о д я т в с о з н а н и е”, или, наоборот, что “с о з н а н и е” (или я) “в с т у п а е т” тем или иным образом “в о т н о ш е н и е” к ним, что они тем или иным образом “в о в л е к а ю т с я в [с ф е р у] с о з н а н и я” и т.д., точно так же сомнительно говорить о том, что интенциональные переживания “с о д е р ж а т в с е б е н е ч т о к а к о б ъ е к т” и т.п.» [6, 348].

Как видим, Гуссерль здесь оспаривает два аспекта в Brentano-ской формулировке идеи интенциональности: 1) отнесение Я к предмету и 2) отношение *присущности* предмета сознанию или *нахождения* предмета в сознании. Основанием к критике этих двух аспектов стали два рода «эквивокаций»: 1) тенденция к пониманию *процесса отнесения* (*das Beziehen*) Я к предмету как реального процесса, реального каузального отношения между Я и «осознанной» вещью; 2) тенденция к пониманию *интенциональной связи акта и предмета* как отношения *вставленности* одного реального содержания в другое – как будто бы интенциональный предмет (его реальное содержание) «вставлен» в акт (реальное содержание акта), «содержится» (*inexistiert*) в акте в качестве его реальной (психической) составной части. Гуссерль настаивает на том, что здесь не может быть и речи об отношении между означенными моментами переживаний (между Я и предметом, между актом и содержанием предмета) как об отношении между отдельными, самостоятельно существующими частями вещи, которые входят в некое целое.

«Не две вещи присутствуют как переживания (мы отвлекаемся от известных исключений), не предмет переживается и наряду с ним интенциональное переживание, которое на него направлено; это не две вещи в смысле части и охватывающего целого, но только одно наличествует – интенциональное переживание, сущностный дескриптивный характер которого составляет как раз соответствующую интенцию» [6, 349].

Причем эта критика в полной мере может быть адресована и к модели Твардовского – ведь, как мы указывали выше, содержание понимается им в качестве реальной, эмпи-

рически фиксируемой составной части акта. Подобно Brentano, Твардовский не отделяет реального от собственно интенционального компонента переживаний. Появление у Твардовского понятия *содержания*, которое выступает в роли *посредника* между актом и объектом, вовсе не маркирует этот интенциональный аспект переживания, но, скорее, актуализирует проблему *тождества референции*. Ведь оба аспекта содержания, выявленные Твардовским, имманентны акту: один указывает на трансцендентный объект, а другой является «презентным содержанием» (*der gegenwärtige Inhalt*). Так, например, я могу думать о дереве и представлять себе ель, а другой тоже может думать о дереве и представлять себе дуб. Гуссерль, критикуя «чрезмерный имманентизм» Твардовского, тем самым хочет указать на неспособность объяснить феномен *тождества и идентичности* мысли, соответственно, тождества и идентичности предмета в рамках предложенной Твардовским модели. Именно поэтому Гуссерль проводит *принципиальное методологическое* различие между «реальным психологическим содержанием», который имеет психофизические характеристики и протяжен во времени и пространстве, и его идеальным (интенциональным) компонентом. Реальные «части» и «моменты» акта могут изучаться в рамках естественнонаучной методологии, в то время как идеальные доступны только для специфической интенциональной рефлексии. Содержание может всякий раз меняться, и, тем не менее, мы не теряем идентичности предмета — все они указывают на один и тот же предмет именно благодаря содержащемуся в каждом отдельном (индивидуальном содержании) идеальному, надиндивидуальному, транс-временному моменту. Причем, если мы будем оставаться в сфере реальных конститутивных моментов психического акта, то так и останется непроявленным, что же в структуре акта делает предмет идентичным. Только идеативная рефлексия выявляет этот специфический идеальный момент акта — специфическое «качество акта», его «характер» (*Aktcharakter*), способ его отнесения к содержанию, способ смыслопридания. Отсюда проведенное Гуссерлем различие можно назвать как различие между двумя *ролями* содержания, а не между двумя *указаниями*, как считал Твардовский. Именно поэтому Гуссерль называет в *ЛИ* идеальное содержание *интенциональным содержанием* [6, 351]. И, самое главное, в отличие от модели Твардовского, по Гуссерлю, интенциональный акт направлен на саму вещь (*die Sache selbst*), а не на содержание акта.

Принятые сокращения

Психология – Психология с эмпирической точки зрения // См. ЛИТЕРАТУРА: [1; 2].

ЛИ – Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания. // См. Литература: [6].

Библиографический список

1. Brentano, F. *Psychologie vom empirischen Standpunkt.*, Bd. I. hrsg. von O. Kraus, Leipzig: Meiner. 1874/1924, Phil. Biblioth. Bd. 192. Здесь и далее в скобках указаны номера страниц.
2. Brentano F. *Psychologie vom empirischen Standpunkt.*, Bd. II. *Von der Klassifikation der psychischen Phänomene.*, hrsg. von O. Kraus, Leipzig, 1925, Phil. Biblioth. Bd. 193.
3. Brentano F. *Wahrheit und Evidenz*, hrsg. von O. Kraus. Hamburg: Meiner, 1930. Phil. Biblioth. Bd. 201.
4. Brentano F. *Philosophische Untersuchungen zu Raum, Zeit und Kontinuum.* Mit Anmerkungen von A. Kastil, hrsg. von Stephan Körner und Roderick M. Chisholm. Hamburg: Meiner, 1976.

5. Twardowski K. Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen: eine psychologische Untersuchung. Wien, Hölzler. Philosophia-Verlag, 1982.
6. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. Ч. 1. / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: ДИК, 2001.
7. Chrudzimski A. Die Wahrheitstheorie Franz Brentanos. In: Schriftenreihe der Österreichischen Gesellschaft für Philosophie. Bd. 4. (Akten des VI. Kongress der Österreichischen Gesellschaft für Philosophie Linz, 1.-4. Juni 2000). Wien, 2001.
8. Молчанов В. Две лекции о Brentano // ЛОГОС. 2002. № 1(32).
9. Мюнх Д. Intentionale Inexistenz у Brentano // ЛОГОС. 2002. № 32.

A. Laurukhin

**BRENTANOS'S DOCTRINE OF "INTENTIONALE INEXISTENZ"
OF OBJECT AND HIS CRITICAL RECONSIDERATION
BY TWARDOWSKI AND HUSSERL**

Brentano's ideas of "Intentionale Inexistenz des Objektes" provide the background to twentieth-century discussions of intentionality, in both the phenomenological and analytic traditions. The task of the author is to explain some of the most essential divergences in critical reconsideration of this idea by two famous F.Brentano's followers: K. Twardowski and E.Husserl.